

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

КАК ВЕРНУТЬ СВОЕМУ РЕБЁНКУ
СВЯЗЬ С РОДОМ, СИЛУ И БУДУЩЕЕ

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

Альберт Лашёв

Родительское Благословение

<https://litres.ru/74163242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прямо сейчас твоё тело светится. Голова — ярче всего. Это не метафора — в 2009 году это сфотографировали в тёмной комнате.

А на этом же месте — на темени — три тысячи лет подряд отец и мать клали руки над ребёнком и говорили: ты — наш, ты желанен, живи сто осеней, будь крепок.

Это не суеверие. Это технология. Запах матери синхронизирует мозг младенца — зафиксировано двойной ЭЭГ в 2021 году. Голос родителя снижает кортизол, даже если слова бессмысленны. Родительское ожидание причинно меняет судьбу ребёнка — мета-анализ 169 исследований. Прикосновение к голове строит социальный мозг в единственный период, когда это ещё возможно. Те, кто сложили этот обряд, не знали слова «окситоцин». Но делали именно то, что наука потом измерила.

А потом это отняли. У посредника есть мотив: пока род благословляет своих сам — он ни в ком не нуждается. Перекрой канал — и люди придут за ним туда, где его теперь выдают.

Эта книга — о том, как перекрыли. И как вернуть.

Тебе. Сегодня.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПРАВИЛО ИГРЫ.	5
Оно начиналось не у смертного одра. Оно начиналось в первый день.	9
Благословение — не один день, а вся жизнь.	11
Двое, что благословляли, — по образу двоих, что сотворили.	14
Насколько это было реально? Настолько, что его крали.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Альберт Лашёв Родительское Благословение

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Что передают родители — как это отняли и как вернуть

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПРАВИЛО ИГРЫ.

Эта книга — расследование, не проповедь. И потому начну не с того, что хочу доказать, а с того, что берусь проверить.

Проверяю я одно слово, которое ты слышал всю жизнь и, скорее всего, считаешь пустым: **благословение**. Сегодня его роняют на свадьбах как вежливость, им называют родительское «не против». Пустой звук. Я берусь показать обратное: когда-то это было самым сильным действием, какое один человек мог совершить над другим; за ним стояла реальная передача, которую наука сегодня измеряет; его у родителей отняли; и его можно вернуть. Тебе. Сегодня.

Правило игры простое и жёсткое, и я держу его всю книгу.

•

Первоисточник — первым.

Не пересказ, не сводка, не «все знают». Сам текст, сам документ, сама работа. Где первоисточника нет — беру неангажированного специалиста и говорю это прямо.

Википедию за опору не беру.

•

Разметка честная.

Я всё время помечаю, чем стоит сказанное:

доказано

(документ, первоисточник, эксперимент),

реконструкция

(мой довод — держится, но не доказан),

предание

(образ старины, не документ). Ты в каждый миг видишь, где твёрдая земля, а где мой шаг.

•

Врага слушаю там, где он проговаривается.

Часто лучший свидетель древнего обычая — тот, кто его запрещал.

Эта книга — продолжение двух других. В «Верните женщину» и «Верните мужчину» я показал одно разлучение: как развели мужчину и женщину и каждого поодиночке сделали слабее. Здесь — то же разлучение с третьей стороны: как между родителем и ребёнком встал посредник. Приём один, и он проходит через весь цикл «Величайшая подмена»: **разъедини — тем ослабь — на ослабленного замкни себя.**

Дальше — по порядку. Что такое благословение и кто имел право его давать. Как оно делилось между отцом и матерью. Почему это не сказка — что говорит наука. Как его отняли. И как вернуть.

Начнём с самого начала.

ГЛАВА

. БЛАГОСЛОВЕНИЕ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ.

Прежде чем идти в глубь веков, ответим на вопрос, который сегодня почти не задают — думают, ответ очевиден. Что такое благословение?

Начнём со слова. «Благословение» — это «благо» и «слово»: доброе слово, сказанное над человеком. По-гречески то же — *эвлогия*, «доброе слово». По-латыни — *бенедикция*, «хорошо-сказанное». У евреев — *браха*, от корня, связанного и с «преклонить колени», и с прибытком, с умножением. Разные языки одного древнего мира сошлись в одном: благословение — это слово. Но не любое.

Это слово, которое делает то, что говорит.

Мы привыкли, что слова описывают. «Небо синее» — слово лишь указывает на то, что и так есть. Но есть особый род слов, которые не описывают, а совершают. «Объявляю вас мужем и женой» — и двое действительно стали супругами. «Нарекаю тебя» — и у человека появилось имя. Такое слово не сообщает о реальности. Оно её создаёт.

Благословение — из этого рода. Это не пожелание добра, как «счастливого пути». Это действие, совершаемое словом: тот, кто стоит у истока твоей жизни, вкладывает в тебя нечто — и это остаётся на тебе.

Что именно вкладывает? Три вещи — и их стоит различать, потому что дальше мы увидим, как их по одной вынимали.

Первое — **принадлежность**. Ты — наш. Ты желанен. Ты не один в мире: за спиной род, те, кто был до тебя, и ты их продолжение. Это говорит ребёнку: мир тебе не чужой.

Второе — **сила**. Крепость, здоровье, защита, долгий век. Не отвлечённо — буквально: живи долго, будь крепок, да не ломает тебя.

Третье — **место**. Твоё имя, твоя доля, твоё положение — в семье, в роду, в мире. Кто ты и куда встаёшь.

Принадлежность, сила, место. Вот содержимое благословения. И вот что нужно сказать твёрдо, потому что об этом забыли начисто: благословлял не один человек. Благословляли **двое**.

Потому что этих трёх вещей одному не дать. Принадлежность — «ты мой, ты желанен» — идёт от матери: от её тела, молока, присутствия, которое ребёнок знает раньше слов. Место и направление — «вот твоё имя, вот куда ты растёшь, стань, превзойди» — идёт от отца. Две разные передачи, и ребёнку нужны обе. Мать без отца — тепло без опоры. Отец без матери — опора без тепла. Благословение — это когда обе руки лежат на голове ребёнка сразу.

Об этом — вся книга. И потому не жди, что мы будем говорить только об отце или только о матери. Благословение по природе двойное — как двойным было и небо, под которым оно родилось. Но до неба ещё дойдём. Сначала — самое простое: когда это происходило.

Оно начиналось не у смертного одра. Оно начиналось в первый день.

Здесь надо сразу убрать недоразумение, которое портит всё понимание. Многие, услышав «благословение», представляют старика на смертном ложе: он собирает детей и в последний раз кладёт им руку на голову. Как будто благословение — это завещание. Последняя воля. То, что раздают, уходя.

Неверно. Точнее — это лишь один конец длинной линии, самый последний.

Благословение начиналось с первого дня жизни. Не с последнего.

Смотри по самому раннему подробному описанию, какое у нас есть. Древняя Индия, обряд рождения — *джатакарман*. Записан в древнейшем слое предписаний, ещё до нашей эры. И это не миф, а инструкция: что делать, когда родился ребёнок.

Дитя только что появилось на свет. Отец разводит огонь, берёт младенца на колени, касается его губ мёдом и топлёным маслом. Наклоняется — и дышит ему на лоб. Текст прямо поясняет образ: так, как мать-корова обнюхивает телёнка.

Остановись на секунду. Мы вернёмся к этому в главе о матери, но заметь уже сейчас: три тысячи лет назад обряд описывал благословение через дыхание над лбом, через запах —

как у коровы с телёнком. А современная наука, двойная энцефалография, показала: запах матери открывает мозг младенца и синхронизирует его. Древние не знали слова «синхронизация». Но знали, что делать. Дыхание над лбом. Как корова с телёнком.

Дальше отец трижды говорит младенцу в ухо: «Речь, речь, речь» — вкладывает в ребёнка речь, знание, самый корень человеческого. И произносит слова, от которых стоит замереть: *«От члена моего члена ты рождён. От сердца моего ты рождён. Ты — я сам, называемый сыном. Живи сто осеней»*. Не «желаю добра» — а: ты есть я, ты продолжаешь меня. И затем: *«будь крепок, как камень, как топор, как несокрушимое золото; ты — знание, называемое сыном; живи сто осеней»*. Крепость. Долгий век. Место в роду.

А в конце отец отдаёт ребёнка матери — к груди.

Вот они, обе руки. Отец вложил слово, имя, крепость, продолжение рода. Мать принимает дитя телом и молоком — принадлежностью, теплом, первой пищей. Одно действие, две половины. И всё это — над новорождённым. В первый день. Не последняя воля уходящего, а первый дар пришедшему. Вот что такое благословение в его начале.

Благословение — не один день, а вся жизнь.

Но с этого первого дня благословение не уходило. Оно шло за человеком **всю жизнь** — и, что важнее всего, человек **сам за ним приходил**.

Смотри, как это было устроено на Руси — она держит живой обычай, дожив с ним почти до наших дней. Ребёнок с малых лет привыкал просить благословения даже на будничное: «Мамочка, я ложусь спать, благослови». И дальше — на всё. Благословение брали перед свадьбой, перед дальней дорогой, перед уходом в войско, перед новым делом, перед учёным, перед всякой опасной или важной затеей, перед долгой разлукой — и последнее, у смертного одра самих отца и матери. Пословица говорила коротко: без благословения нельзя ничего начинать.

И заметь главное: за благословением **шли сами**. Не родитель догонял ребёнка — ребёнок приходил к родителю перед каждым поворотом судьбы. Добрый сын и не думал начинать важного дела, не испросив отцовского и материнского слова. Даже богатыри — взрослые, могучие мужи — в былинах не выходили на подвиг, не взяв прежде родительского благословения. Это не детская зависимость. Это возвращение к источнику: перед тем как шагнуть в новое, человек шёл назад, к тому роднику, из которого вышел, — снова напитать-

ся.

Почему за ним так шли? Потому что знали цену. У афонского старца сказано прямо: благословение — самое большое наследство, какое родители оставляют детям, и потому дети должны позаботиться его получить. Вспомни, до чего дошёл Иаков ради отцовского благословения — залез в козью шкуру. За пустым наследством так не гоняются. А народ кладёт печать пословицей: **«Родительское благословение в огне не горит, в воде не тонет»** — со дна моря достанет. Оно не остаётся у колыбели. Оно идёт с человеком повсюду и держит его всю жизнь.

И это не одна русская причуда. Древнейший образец — тот же: в Книге Бытия отец благословляет не младенцев, а **взрослых сыновей** — Ной сыновей, Исаак Иакова, а умирающий Иаков собирает двенадцать взрослых сыновей и благословляет каждого по отдельности.

Благословение грудному дитяти и благословение седому сыну у смертного одра — два конца одной линии, тянущейся через всю жизнь. Этнографы, ходившие по русскому Северу, записали то же самое своими ушами: благословение, данное на проводах, человек понимал как данное на всю жизнь — и хранил его знак до тех пор, пока у самого не появлялись внуки.

И вот теперь тот самый обряд у смертного одра встаёт на своё место. Да, на самом конце был и он — умирающий отец в последний раз передавал сыну всё, чем был: своё зна-

ние, своё служение, своё место в мире, и, по слову древнего текста, «входил в сына». Но это была **последняя станция** длинного пути, а не его смысл. Благословение — не про то, как уходят. Оно про то, как встречают, ведут, отпускают и провожают, — от первого дня до последнего.

Двое, что благословляли, — по образу двоих, что сотворили.

Откуда эта двойственность — отец и мать над одним ребёнком? Она не выдумана. Она повторяет само устройство неба, под которым жили народы, давшие нам этот обряд.

И тут я обязан сказать точно, где это было. Потому что от этого зависит всё: был ли обычай благословения причудой одного народа — или общим достоянием огромного мира.

Достоянием огромного мира. И мир этот — один.

Есть семья народов, которую называют индоевропейской: от неё пошли санскрит, греческий, латынь, кельтские, славянские, германские языки — один древний корень, разросшийся по всей Евразии. Где его края? На западе — кельты, у самой Атлантики: Ирландия, Испания, Галлия. На востоке — тохары, чьи рукописи нашли в Таримской впадине, на северо-западе нынешнего Китая, у порога Тихого океана. И там же, в песках Тарима, лежат мумии людей европейского облика возрастом в три-четыре тысячи лет. Один народ-корень растянулся буквально от Атлантики до подступов к Тихому — причём восточный, тохарский край языком роднится с западным, кельтским: два конца, общее древнее ядро.

Но родство языков — полдела. Куда важнее: это был **один сакральный мир. Одни боги.** И это доказуемо — не догадкой, а по самим древним текстам каждого края.

Смотри. В Ригведе, древнейшем писании Индии, отец всего — Дьяус-Питар, «Небо-Отец». У Гомера в Греции тот же бог — Зевс-Патер, и это то же самое слово. В Риме — Юпитер, Диеспитер: снова оно. Три языка, три конца материка — одно имя Отца-неба, звучащее почти неизменно. А рядом с ним, в паре, — Мать-земля: в Ригведе Притхиви, и её имя, как показали учёные по самим текстам, — родня греческой Платайе, супруге Зевса. Небо-Отец и Земля-Мать. Их прямо называли «двое родителей» мира.

Вдумайся, что это значит для нашей темы. В самом основании этого мира — от Ирландии до Индии — стоит не один бог, а **пара**. Отец и Мать. Двое. И благословение, которое давали отец и мать над ребёнком, — не случайный обычай. Это земной образ небесного устройства: как Небо-Отец и Земля-Мать вдвоём рожают мир, так отец и мать вдвоём благословляют дитя. Двое вверху — двое внизу.

Вот она, территория, где стояло благословение. Не одна страна. Весь «ведический» мир — а «веда» и наше «ведать» одно слово — от Атлантики до Китая. И родительское благословение мы находим по всей этой карте: в Индии — обряды рождения и передачи; в Греции — Гектор, снимающий шлем, чтобы не испугать сына, и просящий над ним у богов, чтобы сын стал даже лучше отца; в Риме — отец как жрец своего дома, единственное звено между семьёй и её богами и предками; а на Руси благословение дожило до наших дней живым, хотя письменных дохристианских текстов славяне не

оставили.

Один мир. Один обычай. Двое, что благословляют, — по образу двоих, что сотворили.

Насколько это было реально? Настолько, что его крали.

Тут читатель вправе спросить прямо: красивый обряд — но было ли за ним что-то настоящее? Или это слова, за которыми пустота?

Ответ даёт одна история — самая известная история благословения во всём западном мире. Она у евреев, в Книге Бытия, за века до христианства. И вошла она в память человечества не как история благословения — а как история его кражи.

Старый Исаак ослеп и ждёт смерти. Он хочет благословить старшего сына, Исава, — отдать ему главное, отцовское, первородное. Но младший, Иаков, с помощью матери обманывает слепого: надевает козьи шкуры, чтобы на ощупь сойти за косматого брата, приносит еду от его имени — и слепой отец, приняв его за Исава, отдаёт благословение ему.

Это кража. Не метафора — прямо. Иаков украл у брата не вещь и не деньги. Он украл его **место**: то, что отец собирался вложить в старшего, обманом перехватил младший.

И вот приходит настоящий Исав. Обман раскрыт. Казалось бы: ошибка вскрыта — отмени, переблагослови кого нужно. Но отец **не может**. «И вострепетал Исаак трепетом весьма великим» — и сказал: «я благословил его, он и будет благословен». Сказанное — сказано. Назад не берётся. Исав

кричит в голос — дословно: «неужели одно у тебя благословение, отец мой? благослови и меня» — и плачет. Но второго такого нет. Оно было одно. И оно уже ушло — к тому, кто его украл.

Теперь ответь сам на свой вопрос. Из-за чего этот обман, эти шкуры, слёзы взрослого мужчины, дрожь слепого старика? Из-за слов? Да — потому что для этих людей отцовское благословение не было словами. Оно было передачей самого главного: первородства, доли, места во главе рода. Его крали, как крадут наследство, — потому что оно и было важнее наследства. Его нельзя было отменить — потому что это не бумага, которую перепишешь, а действие, которое уже совершилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.